

Леонид Гайдай

Кинокомедия — это и самый легкий, и самый трудный жанр киноискусства. Легкий потому, что нет ничего благодарнее ее зрителей. Ведь «человек создан для счастья, как птица для полета», хотя зачастую реальная жизнь бывает не так оптимистична, чем это утверждает классика. Но тем

не менее радуемся мы всегда охотнее, чем огорчаемся.

Кинематограф с самого своего рождения относился к кинокомедии в большинстве случаев как к жанру «несерьезному», за редким исключением тех картин, которые как бы вырывались из рамок простого развлечения, как, например, фильмы Чаплина или музыкальные ленты Александрова. Очень немногие режиссеры отваживаются постоянно и целеустремленно работать в этом жанре.

Советская кинокомедия сегодня держится, пожалуй, на трех «нитях». Георгий Данелия склонен к трагикомедии, в которой подчас «смех сквозь слезы» отступает перед горькими и печальными выводами «Осеннего марафона». Эльдар Рязанов увереннее чувствует себя в «современной рождественской сказке для взрослых», светлая грусть которой уравновешивается непременно счастливым концом «Служебного романа».

И только Леонид Гайдай до конца предан традиционному жанру комического приключения. Сибиряк по происхождению и ученик признанного советского комедиографа Григория Александрова по ВГИКУ, он с детства проявлял интерес к театру и музыке. И даже поступал в музыкальное училище с самодельной скрипкой, на струны которой пошел роскошный хвост соседской лошади. А потом была война, фронт, ранение... И Иркутский театр музыкальной комедии, где он не только сыграл крошечный эпизод в «Госпоже министерше» Нушича, но и дебютировал как... режиссер, поставив в спектакле комическую сцену драки.

Я не случайно вспомнил об этом забавном начале режиссерского пути Гайдая, потому что в нем была заложена будущая основа всего его творчества. Комедийная по форме, но серьезная по существу борьба нового со старым, добра со злом, отрицательных и положительных черт нашей сегодняшней жизни. Может быть, поэтому канула в Лету первая «серьезная» картина Гайдая — «Долгий путь», поставленная по мотивам сибирских рассказов Короленко. Не стала бесспорной удачей и полнометражная кинолента «Жених с того света», но режиссер не сдавался. Он искал и, наконец, нашел в десятиминутной ленте «Пес Барбос и необычный кросс» два слагаемых того успеха, который долгие годы сопутствует его фильмам.

Во-первых, погоня — драматургический элемент, определяющий лицо всех без исключения гайдаевских фильмов. Экцентричная, насыщенная до предела трюками и постоянно «подстегиваемая» ритмичной, темпераментной музыкой, — погоня стала главным героем и «Самогонщиков», и «Операции «Ы»», и

«Кавказской пленницы», и «Бриллиантовой руки». Большинство трюков режиссер придумывает сам — он любит и умеет делать это. Но Гайдай может и другое: создать на съемках коллектив единомышленников, который часто «подсказывает» ему по-настоящему смешные эпизоды.

Во-вторых, помимо блестящей режиссерской находки — комических масок «Трус», «Бывалый», «Балбес» (Вицин, Моргунов, Никулин) и привлечения к съемкам «своих», постоянных актеров, Гайдай обладает поразительной способностью раскрывать талант многих, казалось бы, сугубо некомедийных актеров в новом, неожиданном для них смысле, да и для зрителей, повороте. Так произошло с Юрием Яковлевым в роли Ивана Грозного («Иван Васильевич меняет профессию»), с Михаилом Глузским, которого он «открыл» для кинокомедии в «Кавказской пленнице».

В последнее время режиссер в качестве литературного материала использует для своих картин классику: русскую, советскую, зарубежную. Уже в первой экранизации — картине «Деловые люди» по рассказам О'Генри — проявились как сильные, так и слабые стороны комедиографа: «новобойская» новелла «Дороги, которые мы выбираем», снятая «на полном серьезе» по канонам американского вестерна, была гораздо слабее искрящихся сочным юмором и изобилующих резкими поворотами сюжета «Вojдья краснокожих» и «Родственных душ».

Много споров у критиков вызвало и гайдаевское прочтение «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, но бесспорный зрительский успех подтвердил право на существование и такой веселой и «трюковой», хотя, может быть, и не столь глубокой, версии романа.

Сумел найти он и экраничный эквивалент философско-сатирической пьесы М. Булгакова «Иван Васильевич», которую легко и безболезненно трансформировал в увлекательную и эксцентрическую гонку с преследованием.

К сожалению, такого превращения «большой» литературы в «большое» кино не произошло ни в «Инкогнито из Петербурга», где бессмертный гоголевский «Ревизор» был необоснованно подменен каскадом цирковых аттракционов, ни в скороговоркой проговоренных с экрана блестящих по остроумию и сатирической злости рассказах М. Зощенко в фильме «Не может быть!». Но зато Гайдай полностью «реабилитировал» себя в новом фильме — экранизации известной повести классика финской литературы Майю Лассила — «За спичками». Долгожданное и органичное слияние прозы и ее экранного воплощения в данном случае превзошло все ожидания. Превосходные актерские работы звезд кинокомедии Евгения Леонова, Вячеслава Невинного, Михаила Пуговкина, Сергея Филиппова и Георгия Вицина, запоминающаяся музыка Александра Зацепина (постоянного композитора в фильмах Гайдая), тонкое и глубокое проникновение режиссера в особенности национального характера финских крестьян, помноженное на профессионализм и чисто гайдаевское умение использовать все приемы кинокомедии, до предела «взвинтив» действие погоней (мастерски снятой оператором Сергеем Полуляновым), умение довести фильм до счастливой развязки доказали еще раз, что Гайдай остался Гайдаем, и что этот признанный мастер киносмеха еще не раз будет радовать нас своими новыми, по-настоящему смешными кинокомедиями.

— В комедии я вижу неисчерпаемые возможности нешадно сечь ханжество, мешанство, бюрократизм — в общем, все, еще не изжитые человеческие пороки, — говорит Леонид Гайдай. — Но если только смешно — это еще не фильм. Нужна четко зримая позиция автора, его непримиримость ко всяческой мерзости, мешающей нам жить и работать. И это главное...

И в этом, думается, непреходящая и злословная ценность кинокомедии Гайдая.

П. СМЕРНОВ.

Новый материал, 1980, 28 сент.